

низшая, была глубоко проникнута здесь католическими идеями. В Париже, несмотря на то что он никогда не был общиной, муниципальные учреждения носили свой средневековый характер: цехи выбирали своих начальников, была городская милиция, город разделен был на 16 кварталов, во главе их стоял выборный от горожан. Вся администрация города находилась, следовательно, в руках последних. В эпоху католического движения против протестантов все лица городского управления были выбраны из католиков. Таким образом, городское парижское правительство стало во главе Лиги. Это повторилось в большей части городов французских; везде магистрат был выбран из ревностных католиков: образованная и наклонная к протестантизму часть среднего сословия должна была замолкнуть. Движение масс было слишком грозно, и на эти массы со всей силой действовали католические проповедники, большей частью из Ордена иезуитов. Это была странная, не лишенная некоторого величия эпоха в истории духовного красноречия во Франции; в числе деятелей было много талантливых проповедников, страстно увлеченных против реакции католицизму; все они готовы были жертвовать собой, чтобы доставить торжество католическим идеям (мы имеем об этом превосходную монографию *Essai sur les prédicateurs de la Ligue, par Labitte*¹⁾). Новейшие историки Франции хотели найти одну какую-либо идею в Лиге, стремление бесполезное, ибо ее цели и намерения были разнообразны; только одна идея религиозная была здесь. К ней приступили и лица, принадлежащие к партии политиков, из страха, чтобы найти только безопасность. Но одно можно наверное сказать, что Лига не остановилась бы ни пред чем в своем начале; для нее самая монархия в случае противодействия потеряла бы свою святость. Главою Лиги был герцог Генрих Гиз, но главою непризнанной явно. В самом деле, это был замечательный человек, достойный стать во главе движения. Сын того Франца Гиза, который погиб под стенами Орлеана, Генрих имел все качества, нужные для вождя партии: очень красивый собой, красноречивый, смелый, носивший личину фанатизма, бесконечно честолюбивый и чрезвычайно умный. В народе уже ходили слухи, что он даже имеет более прав на престол, чем Генрих Валуа; составлялись родословные, доказывавшие превосходство прав его. Нужно заметить к тому, что вообще Гизы обладали в высшей степени способностью действовать на умы народа и настраивать их сообразно со своими целями. Зато и народ был редко кому-либо так предан, как Гизам; один современный историк говорит: «la France était folle de cet homme, elle était amoureuse de lui»*. В самом деле Франция казалась влюбленной в Гиза. Когда Генрих III узнал о составлении Лиги, он смутился; он понял, что она ему грозила столько же, как протестантам, и спешил предотвратить грозившую опасность; по-видимому, он

* «Франция обезумела от этого человека, она была влюблена в него» (франц.).